

Происходящее в храме не есть обмен информацией!

Сколько раз, беседуя с людьми, уклоняющимися от посещения православного храма, участия в богослужениях, слышишь нередко один и тот же довод: непонятен церковный язык. Нет-нет да и услышишь призывы, доносящиеся даже из церковной среды, о необходимости скорейшей реформы церковнославянского языка. Дескать, так он станет понятнее – и молодежь потоком хлынет в наши храмы. Что можно на это возразить?! Подобные разговоры, как мне кажется, возникают чаще всего по причине непонимания подлинной сути и назначения церковных служб.

Начну с себя – так будет честнее и убедительнее. Вспоминаю, как трудно, а точнее – тяготно, было мне во время богослужений в течение весьма продолжительного времени после Крещения. И это при том, что русский с рождения является для меня родным наряду с национальным языком, как и для большинства бакинцев моего поколения. Более того, будучи по образованию учителем русского языка и литературы, я был знаком со старославянским не понаслышке – изучал его, сдавал, помнится, с приличными оценками. И тем не менее...

Однако со временем милостью Божией со мною все же начали происходить чудесные изменения. И прежде всего потому, что с некоторых пор стал посещать церковные службы регулярно, попытался приноровить, если можно так выразиться, ритм собственной жизни к ритму общецерковной. И еще (это, как мне теперь видится, немаловажно) со временем отыскал наконец-то то самое место в храме – мое. Оно оказалось в непосредственной близости от клироса и царских врат. И, словно угадав мое внутреннее состояние (как это случалось не раз), батюшка сказал тогда в проповеди о том, что место, которое мы избираем для себя в храме, мистическим образом есть прообраз того места, которое мы чаем обрести на Небе.

Впервые без стеснения я чуть слышно пел (молился!) вместе с хором. Куда подевались усталость, свинцовые ноги, непонятные слова молитв?! Ничего похожего, только легкое недоумение, что служба так плавно и необременительно подошла к концу – и вот уже батюшка выносит крест. Удивительно, но, не утруждая себя толкованием каждого слова, тем не менее я все прочувствовал, все услышал, но только по-иному – сердцем.

Если и вас одолевают схожие сомнения, прошу, не смущайтесь и начните с малого: приучите себя по возможности в храме бывать. Чтобы могли со временем ответить с очаровательной непосредственностью расшалившегося в храме крохи (а свидетелем этой сцены был я сам), которого мама пыталась урезонить: «Ты где находишься?!» – «Дома!» – обезоруживающе невинно прозвучало в ответ.

Вот и в одной из записок, присланных мне во время очередной встречи, прочитал: «Раньше в наших храмах пели все, потому и по сей день громко возглашают: «Глас осьмый!». Наша Церковь – Церковь поющих...»

Удивительно, но Мартину Лютеру приписывают слова: «Диавол панически боится поющего христианина».

И не терзайтесь так, не унывайте и не смущайтесь оттого, что не все поначалу понятно. Утешьтесь тем, что церковнославянский язык понимают бесы и трепещут. Уясните главное: происходящее здесь не есть обмен информацией! Все гораздо проще и в то же время сложнее. Все иное. Православный храм вовсе не источник некоей мистической информации для пытливого ума, но прежде – источник неизреченной благодати, постигать которую отныне призвано ваше сердце через непосредственное участие в церковных таинствах.

Но разве это главное?! Для церковного человека важно иное. Колокольный звон для него – невыразимая человеческими словами музыка, ведущая свой волнующий диалог с его бессмертной душой напрямую, безо всяких посредников. И ни за что не спутает он мерный благовест с частым перезвоном. Что же касается бесов, то они для него, что оптом что поврозь, как были паршивой нечистью, так ими и останутся.

Какая же милость Божия изливается на людей, что им позволительно молиться Создателю и святым Его, Пречистой Богородице, по сути, на том же языке, на котором общаются с близкими и родными, на языке сладких детских снов, навеянных колыбельной, что пела когда-то мама. Поверьте, это дано не всем.

На Востоке говорят, что даже самый долгий путь начинается с первого шага. И если вы его все же сделали, то впереди вас ожидают поистине удивительные открытия. Только не ленитесь и не унывайте. Попробуйте обзавестись небольшим словариком – и вы узнаете много новых слов, это сделает вас внутренне богаче, интереснее. Не без удивления обнаружите, что некоторые понятные, как вам казалось, слова на церковнославянском языке имеют иной смысл. К примеру, слово выну обозначает отнюдь не достану, а всегда; искренний – значит ближний; южик – это родственник, отроча – младенец...

Продолжать можно до бесконечности – и, поверьте, это очень увлекательно. В этом измерении все оказывается точнее, поэтичнее, фактурнее. Скажем, «Царствие Небесное нудится» звучит куда убедительнее, нежели «силою берется». И на каком-то этапе вы подойдете к совершенно иному качественному уровню: с благоговением приступите к чтению Псалтири, а затем и Евангелия на церковнославянском. Потревожьте, разбудите свою генную память – она так долго ждала этого часа ... То, что вы при этом прочувствуете, какие глубинные, неведомые вам ранее струны вдруг отзовутся в вашей обрадованной душе – попросту не поддается описанию.

Во время одного из выступлений в стенах Московской Духовной Академии получил из зала записку, которой дорожу. Приведу ее почти целиком: «...вы правы, только при частом посещении храма начинаешь понимать этот язык, и тогда молитвы, которые давно знаешь наизусть, расцветают, как розы! Это невозможно объяснить непонимающим, это можно только почувствовать! Но для упорствующих попробуйте перевести на современный язык (*украинский, болгарский, русский, сербский – ред.*): «Благословен Плод чрева Твоего!» – «Как

хорошо, что Ты беременна!», или: «Хорош Твой Ребенок!»?!» Комментарии, как говорится, излишни.

Как же прекрасна на церковнославянском языке воистину божественная молитва «Отче наш»! Однажды довелось прочесть ее на современном языке. Ну, что сказать? Осталась информация, ушла поэзия. К слову, даже расхожая поговорка «Устами младенца глаголет истина» в переводе на современный язык прозвучала бы просто отвратительно. Только прислушайтесь: «ртом ребенка говорит правда». Господи, помилуй! А потому и в стихотворении Андрея Вознесенского, посвященного музыке, читаем: «Где не губами, а устами...»

Чем прикажете заменить слова пронзительного пятидесятого псалма «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей», в котором поистине каждое слово – о нас?! А какие неподражаемые по красоте молитвы произносит в алтаре священник во время Евхаристического Канона: «Яко да Царя Всех подыдем ангельскими невидимо дориносима чинми, Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя!» Содрогаешься при мысли о том, что святые слова могут заменить на иные. «Дориносима», как оказалось, древний римский воинский ритуал, когда победителя поднимали на копья со спиленными остриями. Но даже когда я пребывал в неведении о смысле этого выражения, ничто не мешало сердцу моему замирать от осознания величайшего из таинств, совершающегося сейчас в моем присутствии. И, как выяснилось позднее и что совсем немаловажно, – при моем непосредственном участии, при личном участии каждого, кто находится сейчас в храме, кто молится соборно. Разве возможно, чтобы подобное совершалось на «ежедневном», по слову А.Толстого, языке?

Выступая в различных аудиториях, люблю проводить своеобразное тестирование, которое многое, как мне кажется, объясняет ратующим за непрерывное обновление нашего церковного языка. Признайтесь, допытываюсь я, с различными членами собственной семьи вы общаетесь одинаково? Оказывается, нет: с бабушкой говорим несколько по-иному, нежели с детьми, да и с детьми, в зависимости от пола и возраста, неизменно по-разному. Замечательно, идем дальше. Выясняется, что похожая история и с соседями по дому. В прямой зависимости от степени приязни оказываются лексикон, интонация, сам настрой речи – с руководством, сотрудниками, даже случайными попутчиками.

Итак, слово за слово, вместе мы совершаем любопытное открытие: каждый Божий день, с момента утреннего пробуждения и до сна, все мы в течение жизни, сами того не замечая, варьируем нашу речь, свой лексикон и, что немаловажно, интонацию применительно к каждому встреченному нами человеку. Какая поразительная избирательность! Так почему же мы, столь утонченные в общении с тварными созданиями (напоминаю несведущим, что в православной лексике это выражение вовсе не обидное), бываем так безапелляционны, как только речь заходит о Творце, создавшем все и вся. Об Абсолюте.

И сердца, как можно больше сердца! Ум в этом делании не первый и не лучший помощник. Как тут не вспомнить полушутливое сетование мудрейшего

святителя Феофана Затворника: «Нынче удержана нет от совопросничества. Ум наш – комар, а все пищит!» Хотите, удивлю? В «Полной симфонии на канонические книги Священного Писания» обнаружил я шокирующую статистику. Так, слово мозг во всей Библии упомянут лишь дважды, причем в одном случае речь идет о мозге жертвенных животных (Иов.21:24). Что же касается слова сердце (вот истинный триумф!), то оно встречается аж 724 раза! Неспроста Спасителя нашего называют еще и Сердцеведцем (Деян.1:24).

Отчего же мы так прискорбно суетны и требовательны (увы, не к себе самим), почему, являясь нередко захожанами, а не прихожанами храма, чуть не с порога ратуем за всенепременное обновление церковнославянского языка, тогда как обновляться-то следует прежде нам самим, причем постоянно. В этом-то, возможно, и есть главное предназначение Церкви. Подумайте, разве первоклашкам первого сентября кладут на парты учебники по алгебре и том Солженицына? Вспомним, как учили нас. Какие там шариковые ручки, не было их тогда вовсе: первые полгода только прописи, палочки и крючочки, да и те простым карандашом. Позже – буквы, потом – слоги, а уж потом – слова... Первое, «ученическое», перо – это же было целое событие, вежа! И только в третьем классе – перо «семечкой». А тут – на тебе, с порога: что-то я вас плохо понимаю! Ты вообще понял, осознал – к Кому, в Чей дом ты пришел?

Проблема посягательства на старославянский язык была, как выясняется, весьма актуальной и два столетия назад. «Славенский древний, коренный, важный, великолепный язык наш, – взывал к современникам А. Шишков, – на котором преданы нам нравы, дела и законы наших предков, на котором основана церковная служба, вера и проповедание слова Божия, сей язык оставлен, презрен. Никто в нем не упражняется, и даже само духовенство, сильною рукою обычая влекомое, начинает от него уклоняться. Что ж из этого выходит? ...».

Не могу не обмолвиться хотя бы несколькими словами и о непостижимой искренности, открытости нашей веры. Посудите сами: богослужения, таинства, молитвы – все это происходит, в отличие от всех иных религиозных конфессий, действующих в стране, на языке, максимально приближенном к общенациональному. Словно зеркальное отражение душевной открытости самого человека.

Являясь печальными свидетелями многочисленных попыток переломить русскую речь через колено, возблагодарим Господа еще и за то, что церковный язык наш есть ограждение и охрана языка современного от возводимой на него брани.

Вот принесешь, бывало, на даче ведро студеной колодезной воды, она постоит денек-другой – глядишь, и нет уже в ней той давешней замечательной свежести. Если же дольше, да на свету, то и вовсе зацветет – для грядок еще сгодится, а более никуда, хоть выливай. Но не беда, можно еще нанести, благо есть неподалеку колодец. А если, не приведи Господи, злые люди изгадят его, как тогда быть, где взять свежей воды?!

Вот и получается, что церковнославянский язык есть некий удивительный неиссякаемый источник с незамутненной живительной влагой, в котором

пребывают в первозданной сохранности корни нашего с вами языка ..., незримо и таинственно связующей нас с самим Христом ...

(Публикуется в сокращении)